

Связующая глава

「Канон полубогов, акт 2」

Античность. На берегу Чёрного моря.

Это были прекрасные земли.

Ослепительный солнечный свет омывал поля и леса, окружённые гладью глубокого синего моря.

Полис Темискира.

Эти земли, названные в честь священного моря или, возможно, самой их богини, открывали потрясающий вид на плодородные равнины на южном побережье Чёрного моря. На них стоял город, возведённый в первую очередь для океанской торговли.

Этот город упоминался во множестве историй и легенд – в одних говорилось, что это был остров, окружённый со всех сторон морем, другие утверждали, что это был полуостров, некоторые даже верили, что он мог свободно перемещаться между этими двумя состояниями благодаря силе богов. Но самой важной частью было не происхождение города или его география, а народ, что его населял.

Амазонки.

Это племя отличалось от остальных тем, что целиком состояло из женщин. Мужчин они привлекали лишь для того, чтобы зачать потомство, всеми же прочими аспектами жизни, включая охоту, земледелие и животноводство, занимались женщины.

Мужчины, которым это не нравилось – цари соседних городов и разбойники, засевшие в горах – часто нападали на их город, но амазонки каждый раз давали им отпор.

Женщины занимались не только повседневной жизнью, но и военным ремеслом, жизненно необходимым для защиты города. В частности их навыки верховой езды и стрельбы из лука впечатляли так сильно, что слухи о них достигли даже самых дальних уголков Греции.

В Темискире правила царица.

Её матерью была Отрера, жрица Артемиды и великая женщина, вступившая в союз с богом войны Аресом и, будучи обычной смертной, сумевшая родить от него дитя.

Однако дочь Отреры превзошла её в героизме.

Она была жрицей бога войны и царицей своего народа.

Также она была военачальницей, скакавшей в авангарде и вызывавшей кровавую бурю.

Эта юная царица уверенно повелевала окружающими землями благодаря своей силе, мудрости, божественной ауре и артефакту, унаследованному от бога войны, а также лидерским качествам, объединявшим её крепких воительниц.

Говорилось, что она, восседая на своём скакуне, могла одним взмахом копья раздвинуть морские воды, а выстрел из её лука сотрясал леса. Доблесть царицы вселяла веру в сердца её последователей и внушала благоговейный ужас жителям соседних городов, а слава о ней разнеслась по всей Греции.

Но... однажды для царицы и всех амазонок наступил переломный момент.

Судьбоносный ветер принёс к Темискире одинокий корабль.

На его борту находился мужчина, которого Греция – и впоследствии все будущие поколения – называла великим героем.

Говорят, что юная царица была весьма им очарована.

Причина тому была проста, но именно эта простота всё усложняла.

Это было не чувство долга, призывающее оставить сильное потомство.

Как не было это и жаждой физического удовольствия.

Восхищение.

Когда царица, которая, помимо богов, прежде не знала никого по-настоящему сильного, увидела этого мужчину... она узрела того, кто достоин был встать наравне с её предком, богом войны.

По словам выживших амазонок, глаза царицы засияли, словно у ребёнка, которому только что рассказали историю об олимпийских богах.

Великий герой сказал, что прибыл по поручению царя, чтобы завладеть поясом бога войны, и царица без колебаний позволила ему остаться и начать переговоры.

Разумеется, она не позволила эмоциям взять над собой верх и не намеревалась отдавать пояс без чёткого плана.

Она решила отдать ему пояс, но только на двух условиях: всем женщинам, желающим завести детей, будет позволено возлечь с мужчинами, что прибыли на борту корабля, а сам герой похлопочет, чтобы между полисом, к которому он принадлежит, и островом амазонок было заключено торговое соглашение.

Факт того, что царь желал заполучить пояс не для себя, а для своей дочери, помог в проведении переговоров.

Царица и её подданные в конечном итоге сочли это как «помощь женщине, живущей в далёких землях».

Они пришли к выводу, что заключение мирного союза с этим великим героем принесёт им больше пользы, чем пояс.

Царица и её народ никогда не прятались за армией мужчин. Они не побоялись бы вступить в бой даже с этим великим героем, но царица не настолько жаждала битвы, чтобы начинать войну без всякого повода.

Учитывая, что герой был мужчиной, они не могли принять его к себе, но царица хотела наладить между ними дружеское соперничество, надеясь взрастить в её женщинах соревновательный дух и сделать их более сильным и сплочённым народом.

Да, царица давала волю эмоциям на поле боя, но она также принимала и подобные политические решения. По этой причине народ считал её женщиной с двумя лицами, но к обеим этим личинам они относились с уважением.

Они не могли сказать, была ли её политика касательно великого героя и его людей реализуемой с учётом социальных условий того времени или же попросту неосуществимой мечтой.

Именно поэтому она так и не принесла плодов.

Отношения между её народом и великим героем, которые царица представляла себе, развалились прямо за столом переговоров, когда она уже готова была отдать пояс.

Потому что козни одной богини... привели к трагической смерти царицы.

×

×

Сноуфилд. Главная улица.

Крупный конь скакал по разломанному асфальту, прокладывая путь через плотный угольно-чёрный туман.

Сначала коней было четверо, но их одного за другим поглощала надвигающаяся тьма, и теперь тишину нарушал цокот копыт лишь одного жеребца.

Несмотря на то, что его сородичи покинули этот мир, последний огромный конь без малейшего намёка на страх мчался по ночному городу, подгоняемый Алкидом, гротескным лучником, сидевшим на его спине.

Но даже у такой великой Героической души, как Алкид, не было другого выбора, кроме как спастись бегством.

Тьма вырвалась на волю.

Она наступала.

Огромное облако черноты следовало за Алкидом, оседлав движения воздуха, вздымавшие с тротуаров опавшие листья, дувший между зданиями ветер и даже вздохи отчаяния тех, кого оно уже поглотило.

Алкид нёс в себе искажённую, похожую на грязь магическую энергию цвета разрушения, но тень, что преследовала его, воплощала собой тьму совершенно иного рода.

Алкид никак не мог знать, чем именно был этот «чёрный туман».

И всё же весь его накопленный опыт и чувства, обострённые недавней смертельной битвой, говорили ему, что это была необычная сущность.

Он не знал, что происходило с теми, кого окутывала чернильная тьма, но заметил одну вещь: духовная основа Цербера, часть его Благородного Фантазма, исчезла из этой области.

Связывавшая их магическая энергия полностью пропала, но он не мог ни воплотить его заново, ни отозвать.

Словно какой-то огромный барьер расплзлся сам по себе в попытке изолировать его.

Тёмный поток, похожий на хамсин, который он видел однажды в засушливом регионе средиземного побережья, только чёрного цвета, продолжал наступать, но его скакуну наконец удалось его обогнать.

Путь впереди был свободен. Казалось, сбежать теперь будет легче лёгкого.

В этот момент... Алкид услышал слабый звук чего-то, рассекающего воздух.

— Здесь? — пробормотал ставший мстителем лучник. В его раздражённом тоне послышался слабый намёк на совершенно другую эмоцию. — Нападёшь на меня при таких обстоятельствах? Ты поистине бесстрашна, царица.

В то же время он наложил стрелу на тетиву, изогнул верхнюю часть тела и, не переставая подгонять скакуна, выстрелил.

Раздался грохот, и ночь на главной улице озарил сноп искр.

Спустя секунду между зданиями раздался стук копыт, сплетаясь в громкую мелодию с топотом ног большого коня Алкида.

Показалась одинокая лошадь, которая двигалась необычайно ловко и быстро. Верхом на ней восседала Героическая душа.

— Алкид! — едва увидев его, закричала всадница, Героическая душа класса Райдер Ипполита. — Как ты смеешь! Намереваешься оскорбить тех храбрых героев и их достижения, сдерживая яд с помощью проклятия?!

Услышав это, Алкид бесстрашно улыбнулся под скрывающим его лицо куском ткани. При этом он продолжал подавлять струившийся по его венам яд гидры с помощью силы «грязи», полученной от Баздилота.

«Вот как. Это всё объясняет».

В его голове на секунду вспыхнули образы полицейских, с которыми он столкнулся незадолго до этого.

«Те люди, за исключением человека по имени Джон... Все они были вооружены Благородными Фантазмами, но я сомневаюсь, что они устояли бы перед моей мощью».

Потока его магической энергии хватило бы, чтобы разметать офицеров полиции.

Но они остались на поле боя и выжили.

Их поглотил чёрный туман, и он не знал, что с ними стало после, но те полицейские были неестественно выносливыми... или, скорее, их несомненно поддерживала какая-то внешняя сила.

— Царица.

В голове Алкида, продолжавшего изо всех сил гнать своего коня вперёд, тотчас же зародились сомнения, и он как ни в чём не бывало озвучил свои умозаключения.

— Ты... даровала им свою защиту, не так ли?

— ...

Ипполита ускорила своего скакуна и молча пустила очередную стрелу.

Алкид отразил её своим луком. Стрела пролетела мимо и вырвала из дороги здоровенный кусок асфальта.

Однако огромный конь Алкида с лёгкостью перепрыгнул через возникшее препятствие и продолжил нестись вперёд.

Алкид плавным движением перешёл к ответной атаке, не останавливая покое на удар косою движение своего лука.

Он наложил на тетиву сразу три стрелы и пустил их одновременно с ускорением его скакуна.

Разрывая воздух, стрелы разлетелись в разные стороны и устремились к Ипполите спереди, сзади и сверху.

Но Ипполита умело направила свою лошадь в сторону и начала скакать по стене здания.

Разумеется, повернуть такое, как правило, было невозможно.

Прыгнув из положения горного оленя, взбирающегося по отвесной стене, стремительный скакун начал буквально скользить по городскому пейзажу со скоростью сокола.

Лошадь и всадница будто слились воедино – Ипполита продолжала стрелять из лука, и движения скакуна ей никак не мешали. Из-за ослепительной скорости их можно было принять за кентавра из легенд.

Царица амазонок, которых иногда называли «исконным племенем наездников», показывала вершину навыка верховой езды, чьё совершенство противоречило её юному облику. Однако этот навык, скорее, был получен совершенно иным путём, отличным от того, что в современном мире называли «совершенствованием» - из глубин её духовной основы. Она прорезала тьму ночи под ржание её лошади.

— Уверен, что некоторые из тех офицеров были мужчинами, — попробовал задеть царицу Алкид, покачивающийся на спине собственного коня.

— ...

— Неужели сияние Грааля и логика войны заставили тебя отбросить гордость, царица амазонок?

— Молчать.

Даже во время этого разговора никто из них не сбавил бдительность и не перестал атаковать.

— Не знаю, чего бы ты пожелала... но ты и вправду готова пожертвовать своими жизненными принципами ради исполняющего желания Грааля?

— Я сказала молчать!

В её голосе чувствовалась досада. Алкид тихо, но с силой спросил:

— Как тогда, когда ты нас предала?

— ...

Ответом царицы был... не гневный рёв, а молчание.

Все эмоции исчезли из глаз Ипполиты, которые до этого горели яростью. Её скакун нёсся по ночному пейзажу со скоростью ветра, но для неё время остановилось.

На её лице во мраке ночи не было никакого выражения. Или, возможно, его попросту стёрло множество навалившихся, словно угли, эмоций.

Но это продлилось лишь мгновение.

Один миг, который потребовался её лошади на то, чтобы оттолкнуться от земли и вновь соприкоснуться с ней копытами.

После мимолётной пустоты, в которой, казалось, застыли даже слова, на её лице возникла... бесстрашная улыбка.

— Чушь!

Её лошадь стремительно поравнялась с огромным скакуном Алкида, и в руках царицы возникло копье, материализовавшееся из глубин её духовной основы.

— !

— В таком случае тебе следовало вложить в слова больше презрения, Авенджер.

Длиной копье превосходило рост своей обладательницы. Она взмахнула им в попытке лишить Алкида жизни.

В мгновение ока Благородный Фантазм царицы, пояс бога войны, обвил её державшую копье руку, и на лук Алкида обрушился удар, окутанный божественной аурой.

Алкид отреагировал, тотчас же активировав такой же Благородный Фантазм – пояс бога войны – и отразил удар своим луком, который тоже окутала божественная аура.

Плечо его могучего лука отбило наконечник копья, и по ночному городу эхом разнёсся громкий треск.

Рассеявшись, божественность разорвала окружающую тьму и замедлила приближение «чёрного тумана».

Они скрестили оружие во второй раз, затем в третий, после чего их скакуны разошлись в стороны и Ипполита взревела:

— Неужели ты всерьёз полагал, что я клюну на такую насмешку?!

Их голоса со странной силой звучали в ушах друг друга, несмотря на стук копыт и свист стрел.

Они раз за разом атаковали друг друга, когда пути их скакунов то и дело пересекались в трёх измерениях, а «чёрный туман» вновь начал настигать их с удвоенной силой.

— Ты на грани, Алкид!

— О?..

Ипполита стреляла из лука, целясь в те участки тела Алкида, которые не прикрывала шкура Немейского льва, и время от времени переключалась на копье, чтобы наносить удары по его оружию.

Это был нескончаемый дождь из атак, идеально синхронизированных с движениями её скачущей галопом лошади.

Разницу в магической энергии, которая содержалась в их духовных основах, она пыталась компенсировать навыком, но измотанный чередой сражений Алкид был не в том состоянии, чтобы отбиться от неё одной лишь грубой силой.

Кроме того...

...

Отражая выпады копья царицы, Алкид осознал.

«Её сила растёт».

Во время их столкновения в ущелье количество и качество её магической энергии было значительно меньше.

«Её временно усилили с помощью командного заклинания?..»

«Нет, эффект постоянный. Само ядро её духовной основы было усилено».

— Я забираю свои оскорбления назад, царица.

— ...

— Я полагал, что твоей стратегией было даровать благословение другим, оставаясь при этом в тени, и нанести удар, когда я не буду к этому готов. Но ты намерена разорвать меня в честном поединке.

— Разумеется, — вскользь ответила восседавшая на лошади царица, после чего прорычала: — Алкид... ты всё не так понял.

— Что?

— Я не собираюсь отвергать убеждения своих сестёр и своего народа, какими бы они ни были, — она накопила силу в поясе бога войны - ткани, повязанной вокруг её правой руки - и отчётливым, громким голосом продолжила: — Но ты даже не знаешь, для чего был рождён мой народ!..

Её правая рука засияла, и божественная аура, переполнявшая тело царицы, угрожающе разрослась.

Большую часть этого сияния она сосредоточила в копье, а остальное влила в своего скакуна.

Царица и её драгоценная лошадь вышли за рамки единения всадника с ездовым животным и стали одним целым ещё и с оружием. Они образовали острое копьё и со всей свирепостью обрушились на Алкида.

— Или чего я по-настоящему желала на тех пышных, населённых духами равнинах!

На мгновение «чёрный туман» полностью скрыл их... после чего его вновь развеял грохот, в сравнении с которым все предыдущие казались лёгким хлопком.

— Хороший удар, царица.

Как только туман рассеялся, взору царицы предстал восседавший на своём коне Алкид, из левой руки которого торчало копьё.

— Похоже, ты нашла себе превосходного Мастера.

— ...

— Я вижу, что за столь короткое время ты либо привыкла к сражениям, либо получила точную настройку. Человек он, наверное, впечатляющий, если с его

помощью ты смогла обрести так много божественной силы в этом невероятно далёком от Эпохи богов мире.

Его рану, однако, никак нельзя было назвать смертельной. Несмотря на наконечник копья, засевший между его костями, тёмно-красная «грязь» уже начала извиваться и заполнять собой рану.

— Алкид... Что ты несёшь внутри себя? — спросила Ипполита, лицо которой мрачнело с каждой секундой. В правой руке она всё ещё сжимала копьё. — Что это за «грязь»?

Поскольку наконечник её копья засел в теле Алкида, они, естественно, были вынуждены скакать параллельно друг другу. Когда Ипполита, увидев «грязь», на мгновение задумалась над тем, чтобы высвободить своё оружие, Алкид взмахнул луком в правой руке и ударил её в бок.

Фыркнув, она поспешно заблокировала атаку с помощью божественной энергии пояса, но сила удара вырвала копьё из руки Алкида, и два скакуна вновь разошлись в стороны.

Алкид убедился в том, что «грязь» закрыла рану, после чего как ни в чём не бывало заявил:

— Кто знает? Но, учитывая, что она адаптируется к моему нынешнему облику... возможно, это часть «человека».

В следующий миг... часть тёмно-красной грязи, переполнявшей его рану, резко хлынула вперёд и устремилась к Ипполите.

— В таком случае, царица-полубогиня...

— Что?!..

— Знай, что тебе не сразить *апогей человека* одной лишь божественной силой.

Грязь цвета полусгнившей крови, совершенно не похожая на «чёрный туман», попыталась окутать Ипполиту, подобно густку живой слизи.

Она и её лошадь едва смогли от неё увернуться.

Но «грязь», которая, казалось, обладала собственной волей, превратилась в огромные вязкие челюсти и начала преследовать Ипполиту в попытке сожрать её одним махом.

— Так просто меня не возьмёшь!..

Ипполита вновь сосредоточила магическую энергию в поясе, повязанном вокруг её руки, и приготовилась извлечь ещё больше божественной силы... но, словно в ответ на это, грязь внезапно взорвалась.

Раскинувшись, будто паутина с перекрестком главной улицы в центре, она превратилась в облако грязных паров, угрожавшее окутать Ипполиту и её лошадь со всех сторон.

Жуткое подобие леса чёрных деревьев стремительно приближалось к ней, и Ипполита, осознавая опасность, начала слияние своей духовной основы с поясом, как вдруг...

«Силой командного заклинания я приказываю тебе...»

— Мастер?!

Это была даже не телепатия. Голос раздавался внутри Ипполиты и обращался напрямую к природе её духовной основы.

«Извлеки дракона из духовных жил и высвободи его со всей божественной мощью!»

В следующее мгновение отовсюду вокруг неё – из самой священной земли Сноуфилда – потоком хлынула магическая энергия и проникла в пояс бога войны.

Внезапно мрак ночи озарило радужное сияние.

Это был не только её Благородный Фантазм.

Магическая энергия, содержащаяся в самой Героической душе, словно взорвалась, и огромный поток света с Ипполитой в центре смёл большую часть приближавшейся «грязи».

Когда ослепительный свет угас и Ипполита огляделась... «грязь», «чёрный туман» и даже Алкид исчезли без следа.

Осознав, что он воспользовался возможностью и отступил, царица скрипнула зубами.

— Хочешь сказать, что я не достойна даже того, чтобы свести со мной счёты?!..

Как только гнев Ипполиты утих, она повернулась и начала говорить с пустотой. Царица телепатически общалась со своим Мастером.

— Мастер, одно из твоих драгоценных командных заклинаний... — начала возмущаться она, но не смогла продолжить.

— Нет. Спасибо, Мастер. И прошу прощения. Похоже, что я всё ещё недостаточно сильна.

Отдача, которую она испытала, и извращённая магическая энергия «грязи», почти захлестнувшей её в тот момент, когда она смела её своей усиленной командным заклинанием духовной основой, убедила царицу в одном:

«В своём нынешнем состоянии я не смогла бы её остановить».

Она предположила, что ей не удалось бы полностью избавиться от этой смешанной с кровью Алкида «грязи» и её огромного объёма магической энергии без помощи командного заклинания.

И... если бы эта грязь что-нибудь сделала с ней, то ей наверняка пришлось бы несладко.

Царица полагала, что её Мастер, наблюдавшая за ней с расстояния, использовала командное заклинание, чтобы спасти её, потому что восприняла всё более серьёзно, чем она.

«Даже если мой Мастер истратит все командные заклинания, я вряд ли перестану ей подчиняться...»

Ипполита не испытывала неприязни к той, что была её Мастером.

Да, кое в чём они не сходились во взглядах, но её Мастер была достойна того, чтобы скакать рядом с ней.

Но именно по этой причине... она чувствовала себя обязанной Мастеру за то, что ей потребовалась помощь командного заклинания в битве с врагом, который был тесно связан с ней.

— ...

После исчезновения Алкида и чёрного тумана Ипполита обозревала городской пейзаж, поглаживая шею своей лошади.

Она уже покинула главную улицу и удалилась на значительное расстояние от больницы, из которой хлынул «чёрный туман».

Небо начало светлеть, и она почувствовала, как жители города, которых отвадили подальше от главной улицы, начали стекаться к больнице.

— В любом случае я не могу так сражаться. Начнём сначала, Мастер, — телепатически заявила Ипполита и снова села на лошадь.

— Ты хорошо скакал, Калион. Давай отдохнём с Мастером.

Обратившись к лошади с умиротворением на лице, Ипполита перешла в призрачную форму и медленно направилась в обитель её Мастера, двигаясь по глухим переулкам.

Прежде чем фигуры девушки и её скакуна исчезли, их заметили несколько людей, но не придали этому значения, поскольку казино и другие предприятия часто пользовались лошадьми для рекламы. Они решили, что одежда Ипполиты, наверное, была частью какой-нибудь рекламной акции, и пошли дальше по своим делам.

Жители Сноуфилда больше не могли тратить энергию на столь маленькие странности.

Необъяснимое возвращение людей, которые покинули город, но теперь говорили, что «не хотели уезжать».

Загадочная болезнь, поражающая животных.

Нападение террористов на полицейский участок.

А ещё взрыв газовой трубы в пустыне, потрепавшая город странная буря и пожар в промышленном районе.

Одно происшествие следовало за другим, и все, кто следил за новостями или погодой, подозревали ещё кое-что.

Сейчас на западе Соединённых штатов бушевал огромный ураган.

Ходили слухи, что он надвигается на Сноуфилд.

Жители города не сомневались - он ударит прямо по нему.

Они думали, что всё это не могло быть совпадением. Что в их городе что-то происходило.

У них не было доказательств.

Если они писали об этом в сети, то люди из других штатов просто засыпали их комментариями вроде «Не повезло, что тут скажешь» и «Вас, ребята, наверное, прокляли».

Причиной такого несерьёзного отношения было то, что смертей было немного, а правительственные агенты прилагали усилия к сокрытию любого бросающегося в глаза ущерба, однако среди жителей Сноуфилда продолжала расти тревога.

Но ситуация ещё не скатилась до уровня паники и бунта.

Бесчисленные внушения и барьеры, встроенные в город во времена его основания, сдерживали подобные порывы.

Но даже так... они были почти на пределе.

На лицах тех, кто чувствовал, насколько плачевной была ситуация, начали проявляться признаки не сопротивления, а смирения.

Они понятия не имели, что будет дальше.

В глубинах их наития просто клубилось беспокойство.

Чувство, что городу Сноуфилд скоро придёт конец.

И что в это будут втянуты их жизни и жизни всех остальных.

×

×

В небе.

На обычно недостижимой высоте с помощью силы магии парило большое воздушное судно.

Внутри дирижабля, который также являлся мастерской Франчески – одной из зачинщиков «Фальшивой Войны за Святой Грааль» в Сноуфилде – магесса наблюдала за событиями на земле вместе с Кастером, которого она призвала, Франсуа Прелати.

С помощью Франсуа и его навыка «Иллюзия» Франческа обманула расстояние и наблюдала за сражением перед больницей без помощи фамильяров, словно всё разворачивалось прямо перед ней. Однако...

— Странно...

— В чём дело? — спросил Кастер, набивавший рот тыквенным пирогом.

— Происходит много чего забавного, — в замешательстве ответила его Мастер Франческа. — То есть я рада сюрпризам, но от незнания ответов у меня голова кругом идёт.

— Какая же ты эгоистка. Чего и следовало ожидать от меня, — ответил Кастер – Прелати – с хриплым смехом. Франческа не обратила на него внимания и продолжила думать вслух.

— Качество духовной основы царицы амазонок стало выше, чем тогда, когда я видела её в ущелье. Удача осталась примерно на том же уровне, но физические способности и внутренняя магическая энергия скакнули вверх, пожалуй, на целый ранг.

— Ого, а такое вообще возможно? Даже не думал, что увижу рост Слуги во время войны.

— Вполне возможно, если усилить Слугу вливанием магической энергии... Думаешь, её Мастер, малышка Дорис наконец-то зашла на запретную территорию со своей магией усиления? Может, поставила на кон продолжительность жизни и даже метку, чтобы усилить Магические цепи?..

— Ого. Мастер царицы ведь на «нашей стороне», да? Она должна знать, что Грааль – это искажённая фальшивка. У неё, наверное, не все дома, раз она всё равно рискует ради него жизнью.

Прелати, похоже, заинтересовался, поскольку он вытер платком с лица тыквенный крем и повернулся к Франческе.

— Ну, пока всё не кончится, нам не узнать, удастся ему приблизиться к Третьей магии или нет... но, учитывая количество магической энергии, он сможет исполнить парочку довольно внушительных желаний.

— Ох, да кому какая разница? Всё равно будет гораздо веселее, если они станут бороться всерьёз, а не помирать с лёгкостью один за другим! У нас тут с Гильгамешем разделались, а он был одним из главных претендентов на победу, так что сейчас начнётся самое веселье!

Франческа внезапно решила смириться с ситуацией и расхохоталась.

— Ну да ладно. Мне больше интересен тот чёрный туман, который вырвался из больницы. Что это было? — спросил её Прелати.

— Кто знает?

— «Кто знает»?.. Это же ненормально. Разве мы не должны что-нибудь предпринять?

— И что бы ты сделал на моём месте? Запаниковал и начал плакать от того, что тебе страшно и ничего не понятно?

— Ну... я бы, наверное, сказал «Кто знает?», но плачущий навзрыд я в теле девочки может оказаться на удивление возбуждающим зрелищем, так что почему бы не попробовать?

— Полностью согласна, но это будет та ещё морока, так что тут только по настроению. Сейчас же я понятия не имею, что произойдёт дальше, и хочу насладиться этим сполна!

Отмахнувшись от Прелати, она вновь начала думать вслух.

— И всё же... то, что малышка Цубаки стала Мастером, было забавной случайностью, но мне бы хотелось знать, что за Героическую душу она призвала. Ведь её Слуга, кем бы он ни был, похоже, перенёс кучу людей чёрт знает куда.

— И та девушка... Харли, верно? У меня все органы зазудели от удовольствия, когда она призвала монстра, но сегодня она радовала не так сильно, да?

— Какое тут веселье, когда люди делают всё, что хотят, причём там, где я их не вижу.

На этом Франческа прищурилась и с нехорошей улыбкой пробормотала:

— И этот кровосос, который появляется и исчезает, когда ему вздумается, немного... неприятный, тебе так не кажется?

×

×

Во сне.

— Похоже, в «этот мир» много чего затянуло... Интересно, что будет теперь.

Кровосос в облике маленького мальчика – маг Джестер Картур, который технически являлся Мастером Ассасин – использовал свою силу, чтобы сменить форму, и теперь пожирал глазами город с крыши здания.

— Если мисс Ассасин встанет на сторону этого мира, то сделает своими врагами полицейских. Впрочем, их и до этого нельзя было назвать друзьями, — хихикая, пробормотал себе под нос Джестер.

— Если же она пойдёт против этого мира, то ей придётся убить малышку Цубаки, ради защиты которой она так упорно сражалась. Да, я не пострадаю в любом случае. Это Война за Святой Грааль, — продолжил Джестер со зловещей улыбкой, которая никак не вязалась с его юным обликом. — Все вокруг враги. Все.

Вскоре в его улыбку закрался намёк на иступлённый восторг, и он с экстазом широко распротёр руки.

Джестер продолжил выражать свою радость, словно пытаясь единолично бросить вызов голубому небу, на котором полностью вошло солнце.

— Только я... Только я, твой Мастер, могу быть твоим союзником... мисс Ассасин.

Джестер упивался своим восторгом... но он кое-что упустил – «аномалию», которая произошла в этом мире.

Даже Бледный всадник, Слуга Цубаки это не заметил.

Под домом Куруока рождалось *что-то*.

Под домом была обустроена мастерская мага, которая была больше, чем подвал. Вокруг одного «катализатора», который был аккуратно расположен в её центре, воплощалась аномалия.

— ...

Возможно, это следовало назвать призраком.

По крайней мере, это был не чей-то Слуга.

— Почему?..

Это было существо, которое могло бы стать Слугой, но оно ни с кем не было связано каналом магической энергии.

Вероятно, оно появилось в ответ на чьё-то воздействие и вскоре исчезнет. «Оно» было облачено в красные одеяния, а вокруг него парил мерцающий водяной шар.

— Почему я здесь?..

У существа были чёткие черты лица и странная, андрогинная фигура... Но оно пока ничего не делало, лишь колыхалось на месте.

Пока.

— Чжэн?..